

«ARIAN MYTH» AS A FRONTIER CASE OF INVENTION OF TRADITIONS AND HISTORICAL IMAGINATION OF NON-WESTERN NATIONALISMS

Maksym W. Kyrchanoff (a)

(a) Voronezh State University. Voronezh, Russia. E-mail: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Abstract

The author analyses the features of the genesis and history of Aryan myth in Iranian, Indian and Tajik nationalist ideologies as frontier cases of the development of nationalism.

The author analyzes the development of the Aryan myth in frontier nationalistic imaginations. Indian nationalists had experience of use of the Aryan myth, but the Aryan idea was never central in the ideology of nationalism. Iranian political elites tried to modernize and westernize Iran and used the Aryan myth because in their efforts to replace the Muslim religious foundations of the Iranian identity with Aryan ones, which they imagined as more secular. Tajik nationalists were able to use the Aryan myth only after the de-Sovietization of the country and the collapse of the USSR as one of the instruments of political mobilization in their attempts to combat the radical Islamic project.

Keywords

Aryan myth; nationalism; frontier; West / East; frontier cases of the development of nationalism; intellectuals; colonialism; orientalism; Iran; India; Tajikistan; nationalization of the past; invention of traditions

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

«АРИЙСКИЙ МИФ» КАК ФРОНТИРНЫЙ СЛУЧАЙ ИЗОБРЕТЕНИЯ ТРАДИЦИЙ И ИСТОРИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ НЕЗАПАДНЫХ НАЦИОНАЛИЗМОВ

Кирчанов Максим Валерьевич (а)

(а) ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Воронеж, Россия.
E-mail: [maksymkyrchanoff\[at\]gmail.com](mailto:maksymkyrchanoff[at]gmail.com)

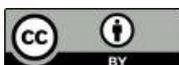
Аннотация

Автор анализирует особенности генезиса и истории арийского мифа в иранском, индийском и таджикском национализме как фронтирных случаях развития национализма.

Автор анализирует развитие арийского мифа во фронтирных националистических воображениях: во-первых, предполагается, что индийские националисты имели опыт использования арийского мифа, но арийская идея никогда не принадлежала к числу центральных в идеологии национализма; во-вторых, автор полагает, что иранские политические элиты, которые пытались модернизировать и вестернизировать Иран, использовали арийский миф, потому что пытались подменить мусульманские религиозные основания иранской идентичности арийскими, воображаемыми ими как более светские; в-третьих, таджикские националисты, как полагает автор статьи, смогли использовать арийский миф только после десоветизации страны и распада СССР как один из инструментов политической мобилизации для борьбы с радикальным исламским проектом.

Ключевые слова

Арийский миф; национализм; фронтир; Запад / Восток; фронтирные случаи развития национализма; интеллектуалы; колониализм; ориентализм; Иран; Индия; Таджикистан; национализация прошлого; изобретение традиций

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Национализм, как доктрина, появившаяся на Западе достаточно поздно, на рубеже XVIII-XIX в., утратил свой исключительно европейский характер уже в 20 веке, став универсальной идеологией, используемой политиками всего мира: от границ Европейского Союза до Латинской Америки, а также в странах Азии и Востока. Если в XIX веке национализм был преимущественно частью европейской истории, то в XX веке уже многим странам Востока удалось осознать мощный мобилизационный потенциал национализма. В отличие от Европы, националистическая идея в странах Востока и Азии развивалась в качественно иных условиях. Если европейский национализм представлял собой фактор национальной, политической и экономической консолидации, то неевропейский восточный национализм, был, прежде всего, антиколониальным, а, следовательно, и антизападным и антиевропейским.

В тоже время правящие элиты Востока не могли игнорировать мобилизационный потенциал национализма, активно используя его для мобилизации масс ради решения своих собственных задач. История некоторых стран Востока в XX веке – это история попыток перенести ценности и принципы западного национализма в неевропейские культурные и социальные пространства, в качественно другие политические и экономические реалии. Восточные страны трансплантировали идеи и принципы национализма, по-разному ассимилировав или интегрировав их в местный культурный контекст, но результаты и историческое значение этих попыток, в целом, имеют много общего, хотя в зависимости от региона могут и варьироваться. Западный и незападный, восточный и азиатский национализм формально едины в том, что их теоретики и идеологи понимают мобилизационный потенциал идеи создания политической и этнической нации, позиционируя ее как «воображаемое сообщество». Кроме этого, политическая история свидетельствует о том, что не существует наций, которые могли бы эффективно функционировать без изобретенных традиций. Для некоторых незападных национализмов, включаемых иранский, таджикский и индийский, такой искусственно созданной, изобретенной, традицией стал «арийский миф» или «арийская идея».

ЦЕЛЬ СТАТЬИ

В связи с этим, анализ особенностей генезиса и инструментализации арийской составляющей в политических воображениях иранского, таджикского и индийского национализма как фронтальных слу-

чаев и форм развития националистического дискурса между Ориентом и Оксидентом является главной целью автора данной статьи.

ОБОСНОВАНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Почему автор анализирует именно эти национализмы? Во-первых, идеологи и теоретики иранского, таджикского и индийского национализма обладали уникальным опытом развития и политического использования арийского мифа. Во-вторых, арийский миф сыграл важную роль в консолидации этих групп населения в нации, их трансформации из традиционных сообществ в современные нации и национальные государства. В-третьих, арийский миф в этих странах стал предметом политических манипуляций, национализации исторического воображения и создания новых изобретенных традиций. В-четвертых, несмотря на значительные формальные внешние особенности и различия, иранский, таджикский и индийский национализмы активно используют арийский миф, интегрируя его в политическое воображение и изобретаемые в его рамках идеологические доктрины.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Российские и зарубежные историки в своих работах уже анализировали проблемы истории арийской идеи, ее генезиса, эволюции и трансформации в различных национализмах, но эта статья, как полагает автор, отличается от ранней историографии. Историографические предшественники автора предпочитали анализировать и описывать арийский миф в координатах и контекстах истории идей или интеллектуальной истории. В результате, арийский миф описывался как часть националистического мышления, политической или интеллектуальной изобретенной традиции.

Виктор Шнирельман (Shnirelman, 2001) признанный классик в историографии арийского мифа (Шнирельман, 2015), который проанализировал генезис и трансформацию арийской идеи в различных национализмах, включая русский, украинский, индийский, таджикский и осетинский, в целом пребывает в рамках парадигмы интеллектуальной истории. Иностранные и российские авторы также активно занимаются анализом существования арийского мифа в различных национализмах (Ballantyne, 2002; Fosse, 2005; Goodrick-Clarke, 1998; Kerrens, 2014; Laruelle, 2008; Mukharji, 2017). Тексты иранских, индийских и таджикских авторов, которые актуализировали ценности арийского мифа, в данной статье являются второстепенными – поэтому, основными объектами анализа стали политические практики и стратегии элит, поскольку нарративные формы и уровни арийской

идеологии изучаются настолько тщательно, что каждый новый автор, который попытается проанализировать исторические формы арийской идеи, неизбежно будет обречен на ретрансляцию идей, предположений и выводов своих историографических предшественников.

Что касается арийской идеи в истории иранского, индийского и таджикского национализма, число исследований по этой тематике в российской историографии невелико. Тексты, ориентированные на арийский миф (Battis, 2016; Shnirelman, 2009) в национальных идентичностях, немногочисленны. Поэтому автор этой статьи, признавая заслуги и вклад предшественников в анализ истории арийского мифа как части интеллектуальной истории национализма, попытается проанализировать различные подходы и стратегии его инструментализации и политически мотивированного использования. В представленной статье роль арийской идеи будет проанализирована как фактор консолидации масс и мобилизации избирателей в контекстах опыта иранского, индийского и таджикского национализма.

ПОНЯТИЕ «АРИЙСКИЙ МИФ»

Что такое арийский миф или арийский компонент в идеологии иранского, таджикского и индийского национализма? Единого определения арийского мифа не существует. Дэвид Мотадел, например, считает, что предложить единое определение этого феномена почти невозможно, так как основные векторы и траектории развития арийской идеи были определены «концептуализациями и реконцептуализациями» (Motadel, 2014) различных политических идеологий XX века. Поэтому, автор же полагает, что арийская идея в современном националистическом иранском, таджикском и индийском воображении имеет несколько форм и измерений.

Во-первых, развивающиеся вне рамок историографии неакадемические версии арийского мифа, способствуют размыванию его академической чистоты, превращая его в один из видов националистической доктрины. Во-вторых, арийский миф в его инструментальных формах может быть представлен в политической жизни данных стран, а националистические политики в таком случае будут активно использовать его для политической мобилизации масс. В-третьих, арийский миф существует и развивается в националистических представлениях и мифологиях, предназначенных для массового потребления, включая неакадемическую историческую литературу, кино и популярную культуру.

АРИЙСКИЙ МИФ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ: НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ КАК ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРОНТИРА

Арийский миф как часть мира, воображаемого националистами, является одной из неустойчивых конструкций, которые зависят от политических и идеологических конъюнктур. Арийский миф в Иране, с одной стороны, был маргинализован, как форма этнического национализма или этнизированного политического мышления в силу того, что он не имел ничего общего с идеями и ценностями революционных исламистов. С другой стороны, после исламизации и превращения Ирана в Исламскую Республику, иранская академическая историография не смогла полностью отказаться от арийского мифа, и поэтому он периодически используется иранскими интеллектуалами. Арийский миф в Таджикистане смог стать политически видимым только после распада Советского Союза, хотя в историческом воображении он существовал и развивался задолго до этого. Попытки популяризировать его интеллектуалами, которые не были этническими таджиками, стали характерной чертой истории арийского мифа в этой стране. Арийский миф в Индии стал заложником политической ситуации, и различные слои элиты воспринимают его по-разному, инструментализируя и используя его в качестве аргумента в политической борьбе против идеологических противников или конфессиональных оппонентов.

АРИЙСКИЙ МИФ НА ФРОНТИРЕ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Арийский миф стал продуктом национализма, но национализм как политическая идеология и доктрина имеет западные корни. Европейские интеллектуалы были первыми политическими мыслителями, которые пытались утвердить связь между нацией и государством, провоцируя дальнейшие исследования в этой области, а также рост и прогресс националистических движений. Иранские, индийские и таджикские националисты стали вынужденными реципиентами некоторых националистических идей, предложенных европейскими интеллектуалами. Арийский миф стал изобретением европейских интеллектуалов, но был не менее активно используется незападными националистами. Генезис арийского мифа стал в этой ситуации одним из побочных эффектов развития сравнительной лингвистики и историографии индоевропейских языков.

Европейские интеллектуалы, заинтересованные поиском предков современных наций Европы, понимая родство между разными языка-

ми, предположили, что в прошлом предки европейцев, с одной стороны, жили за пределами Европы, а с другой, существовали как единое сообщество. Этим людям ученые Запада в XIX столетии предпочли назвать «ариями», полагая, что нации, к которым они сами принадлежали, стали прямыми потомками древних ариев. Анализируя эти проблемы, европейские интеллектуалы начали изучать процессы исторического и языкового развития географически неевропейских групп, в том числе иранцев и индийцев, которые представлялись этническими и лингвистическими родственниками европейцев. Формально академические лингвистические исследования имели политические и идеологические последствия, поскольку они предоставляли националистам необходимые идеи и аргументы. Поэтому роль европейских интеллектуалов и писателей в развитии арийского мифа очевидна, поскольку идеи некоторых деятелей западной интеллектуальной истории 19 века фактически стали идеологической опорой иранских, индийских, а затем и таджикских националистов.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НА ФРОНТИРЕ КАК ИЗОБРЕТАТЕЛИ ОРИЕНТА И ВДОХНОВИТЕЛИ АРИЙСКОГО МИФА

Авраам Гиацинт Анкетиль-Дюперрон (1731–1805), французский востоковед, был одним из первых европейских интеллектуалов, начавших сравнительное изучение иранского и индийского языков (Anquetil-Duperron, 1997). В результате ему удалось обнаружить близкие по этническому и языковому происхождению группы за пределами Европы. Его идеи привели к новым академическим проблемам, в том числе и необходимости определения роли общих исторических предков и пути их миграции, которые позволили им переселиться из Европы в Индию. Франц Бопп (1791–1867) стал одним из основателей сравнительной лингвистики. Изучая древние индоевропейские языки, он предполагал, что у европейских народов были общие предки, а их языковые родственники жили в Иране и Индии (Ворр, 1885).

Фридрих Макс Мюллер (1823–1900), английский интеллектуал немецкого происхождения, пытался объяснить исторические особенности развития Индии в лингвистическом, этническом и расовом контекстах (Müller, 1844; Müller, 1859; Müller, 1883). Герберт Хоуп Рисли (1851–1911) был одним из британских интеллектуалов, которые стимулировали интерес европейцев и индийцев к арийской проблеме, хотя он делал это не в академическом стиле и многие из его выводов и идей противоречат нормам академической этики, так как они слишком близки к биологическому расизму. Несмотря на это, Герберт Хо-

уп Рисли (Hope Risley, 2015) один из первых английских колониальных чиновников и интеллектуалов, которые идеализировали арийцев, пытаясь объяснить происхождение и историю кастовой системы этническими и языковыми причинами.

Несколько европейских интеллектуалов, которые вдохновили персофилию в европейской культуре, могут быть признаны вдохновителями арийских идей в Иране. Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832), несмотря на свою славу поэта, стал одним из первых немецких интеллектуалов, которые интересовались Персией и активно идеализировали ее исторический опыт в «Западно-Восточном Диване» (Goethe, 1819). Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900) внес вклад в западноевропейскую персофилию, став автором книги «Так говорил Заратустра» (Nietzsche, 1888). Несмотря на то, что этот текст практически не имеет ничего общего с историей Ирана и исторического Заратустры, использование этого слова в названии книги немецкого философа стимулировало интерес европейских интеллектуалов к Ирану. Фридрих Мартин фон Боденштедт (1819–1892), немецкий востоковед, стал одним из популяризаторов средневековой персидской поэзии, переведенной им на немецкий язык, чем повлиял на генезис представлений о родстве немцев и иранцев (Hammer-Purgstall, Bodenstedt, 1860).

Английские интеллектуалы были не менее активны в изучении арийских проблем в персидской истории, способствуя возникновению и дальнейшему развитию арийского политического мифа. Форстер Фицджералд Арбатнот (1833–1901) стал популяризатором индийской и персидской поэзии, переведенной им на английский язык (Arbuthnot, 1881; 1887). Иранские и индийские националисты не отрицают этого европейского интеллектуального влияния на своих исторических предшественников, которые фактически восприняли в западный арийский миф и пытались подстроить его под свои националистические особенности.

СОВЕТСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ НАСТАВНИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: АРИЙСКИЙ МИФ СОВЕТСКОГО ФРОНТИРА

Таджикистан до начала советизации, активизировавшей механизмы радикальной модернизации (Nourzhanov, Bleuer, 2013), существовал как традиционное и архаичное общество, в котором центральным и системным фактором социализации (Atkin, 1993), наряду с факторами языка, этнической принадлежности, нации и государства (категории, которые не могли пониматься населением также как на Западе), был ислам. Именно поэтому арийский компонент в таджик-

ской идентичности – по большей части советский конструкт. Изначально «арийская ориентация не имела большого значения для традиционного ирано-исламского сознания», но русские и советские интеллектуалы вообразили и превратили его в «один из наиболее эффективных элементов идентичность современных таджиков и иранцев» (Шукуров, 2003. С. 241).

Если советские востоковеды (Струве, 1945; Андреев, 1945; Battis, 2015; Cronin, 2015), игнорируя факторы этнического национализма, стремились интегрировать арийский миф в каноны академической историографии, то Морис Симашко (1924–2000), русский писатель еврейского происхождения, был независим в своем виденье арийского прошлого и фактически стал одним из вдохновителей арийской идеи в советском Таджикистане.

Многочисленные арийские нарративы и мотивы, включающие «царей арийцев, поклоняющихся Мазде», «арийских жрецов», «арийскую память», «чистого арийского духа», «арийской смелости», «арийского величия», «арийской хитрости», «непримиримости арийцев» или «арийской верности» и «арийского мышления», «старых арийских царек», «арийских игр», «арийской мудрости», «древних арийских книг», «арийских легенд» и даже «арийского сыра» присутствуют в «Маздаке» – романа Мориса Симашко. Иран, «Эран», «Ариана», «Страна Ариев», фигурировал в историческом воображении Мориса Симашко как «арийская земля» и «арийское государство» с «арийскими сословиями», происходящими из «арийской родины на реке Датья» (Симашко, 1979).

Василий Ян (1875–1954) также может считаться еще одним русским и советским интеллектуалом, который повлиял на развитие арийских мотивов в таджикской идентичности. В отличие от Мориса Симашко, в его текстах чрезвычайно сложно отследить и проанализировать конкретные формы идеологического влияния на таджикскую интеллигенцию. Василий Ян (Ян, 1989а; Ян, 1989б; Ян, 1989с; Ян, 1989д), как и Морис Симашко, идеализировал арийские племена и группы, способствуя формированию и развитию позитивного мифологизированного образа тех средневековых иранских государств Центральной Азии, которые исчезли в результате монгольского нашествия. Василий Ян в этом интеллектуальном контексте, вероятно, способствовал разногласиям и спорам, возникающим между таджикскими и узбекскими интеллектуалами. Если узбекские националисты представляли тюрков своими славными и великими предками, то таджикские историки не упускали возможности упомянуть и отрицательную роль тюркского мира в истории арийского иранского мира,

представляя тюрок как разрушителей отдельных городов в частности и государственных в целом.

Восприятие российского культурного влияния в советизированном Таджикистане было различным, а его последствия – противоречивы. Некоторые историки предполагают, что «если таджикский интеллигент в 50-х годах видел представлял каждого русского как апостола марксизма и носителя совершенного знания, то изучении своего прошлого сильно разочаровывало и дезориентировало его. Он невольно сравнивал нынешнее состояние своей истории, литературы, своего образования и духовности со средневековьем, и это сравнение не было в пользу современности и русского культурного влияния» (Шукуров, 2003, стр. 231). Несмотря на душевные разочарования таджикских националистов и интеллигенции, влияние русского культурного фактора на генезис и популяризацию арийского мифа было очень значительным. Таджикские интеллигалы, в том числе Садриддин Айни (Аслонова, 2010) и Бободжон Гафуров (Гафуров, 1972), находясь под русским историографическим влиянием, использовали позитивистские методы написания истории, которые позволили им сконструировать «большие нарративы» об истории Таджикистана как национальной истории. Таким образом, Институт истории им. А. Дониша стал центром таджикского культурного национализма, Бободжон Гафуров фактически стал вдохновителем и отцом-основателем арийского мифа в таджикской историографии.

Анализируя проблемы этногенеза таджиков, Бободжон Гафуров объяснил их происхождение в категориях генезиса, развития и дальнейшей фрагментации индоарийского языкового сообщества, подчеркивая древность и уникальность таджикского языка, его связь с другими иранскими языками. Бободжон Гафуров настаивал на том, что языки таджиков и иранцев (дари и фарси) имеют больше общих древних арийских элементов (Гафуров, 1972, стр. 28–29), чем отличаются от других индоевропейских языков. Бободжон Гафуров культивировал идею арийского единства таджиков и персов, содействовал историческому восхвалению групп, говорящих на иранских языках, подчеркивая, что «в древние времена ареал распространения иранских языков и племен был намного шире. Он простирался от Юго-Восточной Европы до Восточного Туркестана, а также от Урала и Южной Сибири на юг Ирана» (Гафуров, 1972, стр. 36–67). Бободжон Гафуров включил Таджикистан в исторический и лингвистический контекст Ирана, представив его в качестве одного из центров полумифической страны Арьян-Ваеджа (арийский простор), региона, насе-

ленного иранскими (или арийскими в целом) племенами (Гафуров, 1972, стр. 37).

Интегрируя историю таджиков в арийский контекст, Бободжон Гафуров выдвигал теорию, что пророк Заратуштра мог жить на территории будущего Таджикистана (Гафуров, 1972, стр. 50). Поэтому таджики, как считали интеллектуалы советской эпохи, занимают достойное место среди арийских (индоевропейских) народов древности. Фактически, таджикские интеллектуалы, также как и таджикские националисты, предложили общую версию истории, изобретенную и написанную в национальных координатах. Российские интеллектуальные влияния усилили механизмы национального исторического воображения среди таджикских историков, которые предпочитали писать историю Таджикистана (Джалилов, 1961) как таджикскую национальную и арийскую культурно-цивилизационную историю, но в силу того, что дефиниции «цивилизация» и «арии» в СССР оставались под неформальным идеологическим запретом, попытки ариизации истории становились скрытыми и более изощренными. Арийские мотивы в таджикской советизированной историографии постепенно мигрировали из контекста политической и государственной истории в этнографические исследования (Мурудов, 1979; Мухидинов, 1989; Негмати, 1989).

Советизация предусматривала устранение диспропорций в развитии республик и стимулировала развитие образования, в том числе исторического и филологического. Вероятно, российские интеллектуалы, которые в советский период стали частью интеллигенции Таджикистана, не ожидали, что их участие в развитии системы образования станет вкладом в таджикский национализм в целом и таджикскую национальную версию арийского мифа, в частности.

АРИЙСКИЙ МИФ И ИНДИЙСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

Идеи европейских интеллектуалов и их попытки представить арийцев как идеальных и политически удобных предков были частью истории идей, но восточные националисты были не менее восприимчивы, чем западные читатели. Бал Гангадхар Тилак (Tilak, 1903) был одним из индийских националистов, которые положительно восприняли исследования западных интеллектуалов, так как они давали возможность политизации арийской проблемы. В результате Бал Гангадхар Тилак написал книгу «Арктическая прародина в Ведах», книгу, которая не имеет ничего общего с академической историографией, но текст которой стал одной из наиболее успешных и эффективных по-

пыткок политизировать и идеологизировать арийский миф и превратил его в один из инструментов политической мобилизации.

Несмотря на интеллектуальную деятельность европейских авторов в Индии и их влияние на индийских националистов (Raheja, 1996; Inden, 2001; Trautmann, 1997; Rajaram, 1996), арийская идея в программе индийского национализма была не так популярна, как другие политические лозунги, включавшие независимость, конфронтацию с мусульманами и возрождение подлинного индуизма. Последний апеллировал непосредственно к древнему арийскому прошлому, но сторонники индуизма предпочитают не использовать арийские нарративы, полагая, что другие националистические принципы более привлекательны для масс и эффективны для националистической мобилизации.

Религиозные основы этнического национализма и этнические формы националистического воображения были более адаптивны и фактически определяли основные траектории и векторы развития индийского национализма. Во второй половине 20 века правящие элиты Индии предпочитали строить политическую нацию, игнорируя этническую, кастовую и религиозную компоненту. Вероятно, именно поэтому, этот политический эксперимент оказался неудачным, что вынудило элиты осознать мобилизационный потенциал истории, включая арийский миф.

Политические элиты Индии осознали мобилизационный потенциал арийской идеи позже, чем это сделали иранские и таджикские националисты. Их попытки инструментализировать арийскую идею в Индии отличались от интеллектуальных практик и политических стратегий иранских и таджикских элит. Если иранские и таджикские националисты пытались институализировать и инструментализировать арийский миф в 1930 – 1970-е и 1990 – 2010-е годы, то индийские националисты решили использовать арийскую идеологию в редуцированных формах только в 2010-х годах, игнорируя ее мобилизационный потенциал в предыдущие десятилетия.

Наренда Дамодардас Модии (Mahurkar, 2017; Marino, 2014), хотя и стремится этнически политизировать интеллектуальный дискурс в Индии, но предпочитает избегать немедленной реализации арийского мифа. Арийская идея в Индии деградировала в частный случай хиндутвы и превратилась в визуализированные формы культуры массового потребления. Современные националисты в Индии пытаются превратить этнический национализм в официальную и государственную идеологию, но они крайне осторожны в этих попытках, предпочитая спорить с мусульманами, культивировать и популяризировать инду-

изм, избегая актуализации этнической принадлежности в ее арийских формах. Игнорирование арийской идеи стало следствием того факта, что националисты, которые консолидируются вокруг Нарендры Дамодардаса Моды, предпочитают культивировать политический индуизм, который более понятен потенциальным избирателям, чем арийская идея, являющаяся изобретением Запада.

Именно поэтому современные индийские националисты, с одной стороны, более активны в исламофобии, чем в попытках интегрировать арийскую идею в свою идеологию. Они активно пытаются запретить убийство коров несмотря на то, что гипотетическое использование арийского мифа может увеличить число сторонников намного эффективнее, чем такие экзотические, с западной точки зрения, политические предпочтения, в том числе религиозно легитимизированный экологизм и защита прав коров как жертвенных животных. Современные сторонники индуизма стремятся бороться за возрождение индуизма и его очищение, игнорируя потенциал арийского мифа, хотя боги индуистского пантеона могут быть богами древних ариев или их потомков, которые мигрировали со своей исторической родины в Индию. Поэтому политически мотивированное использование арийского мифа в Индии носит ситуативный характер, поскольку на данном этапе он не может успешно и эффективно конкурировать со светскими политическими идеологиями, включающими коммунизм и национализм, это не означает, что арийская идея утратила свое влияние.

2000 и 2010 годы стали периодом возрождения арийской идеи в Индии, но этот ренессанс не был интеллектуальным, а фактически стал частью массового культурного дискурса. Такие фильмы как «Девон Ке Дев ... Махадев» (2011–2014), «Махабхарата» (2013–2015), «Сия Ке Рам» (2015–2016), «Парамаватар Шри Кришна» (2017), «Махакали» (2017), «Гаутамипутра Сатакарни» (2017) были попытками индийской киноиндустрии визуализировать арийское прошлое, сделать его более доступным и интегрируемым в культуру массового потребления. Хотя культурные элиты уже пытались актуализировать арийские ценности и мотивы несколькими десятилетиями ранее, в том числе в таких кинолентах, как «Сампурна Рамаяна» (1961) и «Махабхарата» (1965), но создатели этих фильмов предпочли свести арийский миф к его полурелигиозным формам.

Эволюция и печальная судьба арийского мифа в Индии стали индикатором, который иллюстрирует развитие этнического национализма в незападных обществах с устойчивой религиозной основой. Арийский миф не может заменить традиционные формы религии, хотя некоторые из них вдохновляют актуализацию арийского исторического

наследия. Несмотря на то, что индийские националисты позаимствовали арийский миф у английских колонизаторов, национализировали его, адаптировали к своим политическим целям и потребностям, арийская идея так и не смогла стать важным и влиятельным элементом индийского националистического воображения, так как формы религиозной легитимации были более адаптивными и, как следствие, более успешными.

АРИЙСКИЙ МИФ В ИРАНСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ: ВООБРАЖАЕМАЯ ЭТНИЧНОСТЬ ПРОТИВ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ УММЫ

Иранские интеллектуалы, подобно индийским националистам, осознали потенциал и значение арийского мифа, который существенно повлиял на основные векторы и траектории развития арийской идеи в иранском национализме, определяя место и роль арийских нарративов в иранской идентичности. История современного иранского национализма демонстрирует возможности использования «несвязанных аспектов “персидской гегемонии”, которая преобладала в средние века, а позднее использовалась для построения современной национальной культуры и самобытности» (Ashraf, 1998).

Спектр представлений об арийской идее в интеллектуальной истории Ирана в 20 веке был различным и варьировался от восхищения арийскими предками до неприятия этнического фактора. Дэвид Мотадел предполагает, что арийские идеи в идеологии иранского национализма возникли довольно поздно: «современные идеи и понятия об “арийском” были впервые перенесены в эпоху поздних Каджаров. Фактически они сыграли значительную роль в национализации Ирана» (Motadel, 2014). Иранский историк Реза Зия-Эбрахими определяет подобное восприятие арийской идеи как “арийский синдром” (Zia-Ebrahimi, 2010; Zia-Ebrahimi, 2011). Иранские националисты (Kashani-Sabet, 2002; Marashi, 2008), подобно индийским националистам, не были отцами-основателями и пионерами арийской доктрины. Связано это с тем, что европейские интеллектуалы, участвующие в исторических и лингвистических исследованиях Ирана, воображали и изобретали иранцев как арийцев или индоевропейцев. Иранский национализм в большей степени базируется на религиозных основах, что определяет важность ценностей шиизма в истории страны. Арийская же идея представляется как частный случай развития этнического национализма.

Исторические и социальные условия для реализации арийского мифа в иранском национальном проекте возникли поздно и, с одной

стороны, стали следствием радикальной политики модернизации (Banani, 1961), вдохновленной Реза Шахом Пехлеви и продолженной Мухаммедом Реза Пехлеви. С другой стороны, политические элиты Ирана, реализуя арийский миф, как считает Алекс Шамс (Shams, 2012), стремились решать внутренние и внешние задачи, консолидируя нацию в контексте арабских и тюркских угроз и опасностей. Переименование Персии в 1935 году в Иран (MacKenzie, 1998), что переводится как “земля арийцев”, стало первой попыткой государства претворить в жизнь и использовать арийскую идею, так как новое официальное название государства актуализировало его преемственность с древними ариями, а сам концепт «арья» в политическом воображении активно развивающегося иранского национализма ассоциировался с этничностью и языком.

Генетические и исторические истоки названия страны связаны с Сасанидскими среднеперсидскими «ēṛān» и «ēṛānšahr», а новейшие переименования стали попыткой иранских националистов актуализировать этническую, языковую и частично территориальную преемственность с гипотетической арийской родиной (Witzel, 2000). Несмотря на то, что эти термины были известны и ранее, Реза Шах Пехлеви узаконил их идеологически и политически мотивированное использование. Династия Пехлеви была вынуждена использовать арийский миф, потому что у нее не было других эффективных инструментов для борьбы с угрозами панарабизма и пантюркизма. Идеологи и теоретики иранского этнического национализма, в том числе Мохсен Пезешкпур и Дариуш Форухар, лидеры *Hezb-e Pān Irānis* (Engheta, 2001), были вынуждены стать временными и ситуативными союзниками режима.

Династия Пехлеви инициировала несколько проектов, которые пытались претворить в жизнь арийскую идею, сделать арийский миф более заметным, заменить им исламскую альтернативу в силу того, что секулярные элиты представляли ислам как угрозу и воспринимали его как оппозицию режиму. Тегеранский университет с факультетом литературы и гуманитарных наук, был основан в 1934 году, став одним из центров арийских исторических и лингвистических исследований и фактически оплотом арийской идеи в ее умеренной академической версии. Национальный музей Ирана, основанный в 1937 году, также стал инструментом развития арийской идеи в Иране. Музей древнего Ирана, являющийся частью этого музея, специализирующегося на изучении истории и археологии древнего Ирана, сделал арийскую идею более заметной в культурном и общественном пространстве Ирана в 1940-1970-х годах.

Политика исторической памяти Ирана в период между первой и мировой войной была частично основана на популяризации арийской идентичности. Празднование Тысячелетия Фирдоуси, организованное в 1934 году, актуализировало роль поэта в развитии и сохранении языковой, культурной и этнической самобытности иранского мира, а также предложило идеи исторической преемственности между современными иранцами и их арийскими предками. Политические элиты Ирана в данный период занимались активными попытками модернизации страны и использовали потенциал арийской идеи для проведения социальных реформ.

Иранские элиты стремились укрепить идентичность, стимулируя ее арийское происхождение и этнические основы воображаемой иранской нации. Например, Академия персидского языка и литературы, созданная в 1935 году, стала основным институтом лингвистического арийства, стимулирующим академическое изучение языка и истории. Государство использовало различные методы для актуализации арийской идентичности своих граждан, привлекая иностранных интеллектуалов для популяризации арийской идеи. Например, иранские власти в 1930 году разрешили Эрнсту Херцфельду (1879–1948), Фридриху Крефтеру (1898–1995) и Эриху Шмидту (1897–1964), немецким историкам и археологам (Krefter, 1971; Krefter, 1977; Herzfeld, 1968; Herzfeld, 1929; Schmidt, 1953; Schmidt, 1957; Schmidt, 1970; Schmidt, 1939), организовать археологические раскопки в Персеполисе (Wilber, 1989), столице древней Персии. Эрнст Херцфельд начал популяризировать арийский Иран еще до археологических раскопок межвоенного периода (Herzfeld, 1947; Herzfeld, 1908). Его первые публикации по иранской археологии появились в начале 20 века. Западные археологи были теми интеллектуалами, которые открыли древнее арийское наследие для иранцев, интегрируя результаты археологических раскопок в синтетические версии национальной истории и исторические гранд-нарративы формирующейся иранской национальной историографии (Stronach, 2005; Jenkins, 2012).

Ввод иранской валюты, риала, в 1925 году можно классифицировать как еще одну попытку реализации и монетизации арийской идеи, так как различные банкноты визуализировали арийское историческое, культурное и археологическое наследие, включая классические образы исторического прошлого Ирана, которое ассоциировалось с арийским наследием. Второй правитель Ирана из династии Пехлеви не уступал своему отцу в попытках модернизации страны. Он использовал арийскую идею в качестве метода консолидации иранской политической нации. Мухаммед Реза Пехлеви активно пропагандировал

арийскую идею в своем противостоянии с исламистской политической оппозиции, стремясь заменить религиозные формы идентичности более светскими, апеллирующими именно к иранским ценностям. Это стало причиной того, что концепции *mellat-e Mosalmān* (мусульманская религиозная община) и *mellat-e Mosalmān-e Irān* (мусульманская религиозная община Ирана) были вытеснены светскими категориями, включающими *mellat-e Irān* (иранскую нацию). Попытки маргинализации религиозных уровней идентичности стимулировали развитие светских концепций иранского национализма. Именно в результате данных реформ в иранском политическом языке возникли идеи *melliyyat* (национальности), *waḥdat-e melli* (национальной целостности), *melli* (нация), *melli-gerā'ī* (национализма), *howiyat-e melli* (национальная идентичность), которые представляли собой попытки актуализировать арийские компоненты в этнической принадлежности.

Иранские националисты активно внедряли ценности и принципы светского и этнического национализма в культурный контекст. Например, Хосайн Канемзаде Ираншахр (1884–1962), один из популяризаторов концепта арийской расы, активно продвигал политический лозунг необходимости и важности «*ruḥ-e irāniyat*» или «быть иранцем» (Behnam, 1998). Поэтому некоторые иранские националисты воспринимали категории «иранский» и «арийский» как синонимы. Мухаммед Реза Пехлеви в 1967 году принял титул Шахиншах, что стало попыткой подчеркнуть преемственность иранской государственной традиции древним и средневековым арийским порядкам. Празднование 2500-летия Персидской империи в 1971 году было кульминацией попыток Мухаммеда Рези Пехлеви актуализировать арийскую идентичность в Иране. По случаю государственного юбилея политические элиты организовали «Парад персидской истории», в котором участвовали солдаты Вооруженных сил Ирана, одетые в исторические военные костюмы всех династий, когда-либо управляющих Персидской Империей. Мухаммед Реза Пехлеви, осознавая растущую роль телевидения и массовой культуры, на время праздника разрешил работу западных кинокомпаний. Их сотрудничество с иранским режимом, стремящимся к вестернизации, было отражено в откровенно пропагандистском фильме «Пламя Персии», а назначение Орсона Уэллса режиссёром картины предопределило ее успех. К концу 1970-х годов арийский миф был включен в число коммеморативных практик и политических ритуалов, активно используемых иранскими элитами для легитимизации режима и мобилизации масс.

Исламская революция, упразднившая монархию и установившая исламскую республику, резко изменила политический курс элиты.

Исламисты были менее заинтересованы в арийском мифе, чем их политические предшественники (Kia, 1998). Базовые принципы и ценности политического ислама стали представлять больший интерес, чем арийский миф, что стало следствием сознательной и политически направляемой маргинализации этнического национализма. Кроме этого, активное использование арийских нарративов в академических и языковых трудах прекратилось или стало менее заметным.

Революция изменила основные векторы развития историографии и исторического воображения. После 1979 года иранские интеллектуалы были вынуждены представлять историю Ирана как историю мусульманской страны, что шло вразрез со взглядами их предшественников, предпочитающих национальную историческую парадигму. Как результат, ценности уммы победили ценности политизированной и инструментализированной иранской этничности в форме арийского мифа. Несмотря на это, исламизация иранского общества не отменяла историческую и языковую принадлежность иранцев к арийскому миру. Новым политическим элитам пришлось включить арийский миф в политический канон и идеологический контекст исламской республики, в которой идеологические основы религиозного свойства стали доминировать над ценностями этнического национализма.

В этой ситуации попытки некоторых иранских интеллектуалов ариизировать ислам (Bausani, 1975), превратить его в несветскую религию иранского национализма и интегрировать его в иранский культурный контекст и национальную самобытность не увенчались успехом. Историческое воображение и историография (Amanat, 1989) оказались в большей степени восприимчивы к влиянию ислама (Abdi, 2001) и хотя национализм продолжает оставаться одним из факторов, влияющих на исторический анализ арийских моментов в истории Ирана, исламская революция существенно скорректировала векторы его развития (Tavakoli-Targhi, 2001; Vaziri, 1993) в целом и иранской идентичности в частности (Karimi-Ḥakkāk, 1993), включая арийскую идею. Исламизация общества стимулировала рост кризисных тенденций в арийском мифе (Ashraf, 1993), способствуя его миграции в академическую историографию иранской этнической и языковой истории, вытесняя арийский миф из политических реалий, где его место занял ислам.

КУЛЬТИВИРОВАННАЯ АРИЙСКАЯ ИДЕЯ: ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ АРИЙСКОГО МИФА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Таджикские интеллектуалы, в отличие от своих индийских и иранских коллег, несмотря на их языковое родство с иранцами, испытали ряд трудностей в связи с внедрением арийской идеи. Они были лишены возможности культивировать и развивать основные положения арийского мифа в советский период, так как арийская идея противоречила советской коммунистической идеологии. Стоит отметить, что несмотря на цензуру и политические ограничения, арийская идея становилась видимой при анализе вопросов этногенеза и места таджикского языка среди родственных языков.

Постсоветский Таджикистан, с одной стороны, развивался в условиях диаметрально различных угроз, включающих политический ислам, который превратился в радикализм и экстремизм, и таджикский национализм, который не имел значительных мобилизационных ресурсов (Bergne, 2007). Националисты, кроме этого, выглядели маргиналами в тени бывших партийных чиновников и исламистов. С другой стороны, советизация радикально изменила социальные и культурные пространства и отношения в Таджикистане. В таджикской идентичности появились новые ценности, в том числе фактически западные изобретенные традиции, включая идеи экономического детерминизма, классовой борьбы, идеалы равенства собственности, национализм, трансплантированные в таджикские культурные контексты без учета местных реалий и особенностей. Несмотря на то, что в результате советизации и формирования новой светской интеллигенции эти понятия были «чуждыми мусульманско-иранскому менталитету» (Шукуров, 2003, стр. 228–229), формальные попытки их применения все же имели место. Осознавая чуждость западных ценностей, политические элиты попытались использовать арийский миф в целях собственного упрочнения.

Так по приказу президента Таджикистана Эмомали Рахмонова в 1999 году состоялось празднование 1100-летия государства Саманидов, что стало одной из первых попыток претворить в жизнь идеи преемственности с арийскими предками. В то же время политическими элитами была начата реконструкция в центре Душанбе и установка памятников (Hughes, 2017), которые десоветизировали урбанистические пространства и одновременно актуализировали и визуализировали арийский миф. К празднованию был приурочен и военный парад, напомилавший военный парад 1971 года в Тегеране. В 2000-х годах политические элиты Таджикистана пытались укротить академические

изыскания в сфере арийской истории, инструментализировать арийский миф, интегрировав его в политический механизм государства. Эмомали Рахмонов в 2006 году, комментируя важность Года арийской цивилизации, подчеркнул, что таджики являются историческими наследниками ариев, подчеркивая, что современный Таджикистан является не чем иным как государством ариев.

В своих комментариях относительно арийской истории, Эмомали Рахмонов подчеркивал, что таджики и иранцы составляют одну из ветвей арийских народов. Элиты республики объявили 2006 год Годом арийской цивилизации, хотя Президент Республики несколькими годами ранее (Rahmonov, 1999; Рахмонов, 2012) отметил свои попытки актуализировать идеи этнического и политического континуитета и непрерывности между таджиками и их арийскими предками. В 2006 году Национальный банк Таджикистана инициировал выпуск юбилейной монеты, посвященной Году арийской цивилизации. В том же году специально для встречи с главой государства на уровне регионов Администрацией Президента отбирались таджики с наиболее арийской, на ее взгляд, внешностью. В этой ситуации элиты (Rahmonov, 1999; Рахмонов, 2012) оказались среди главных пропагандистов арийской идеи.

Президент Таджикистана, например, утверждал, что «мы, таджики, наряду с другими народами, являемся прямыми наследниками мудрых и благородных ариев, и мы гордимся своим прошлым, мы изучаем его и воспитываем нынешнее и будущие поколения как истинных наследников наших предков, которые могут принести ценные жемчужины в сокровищницу мировой цивилизации и будут способствовать обогащению и улучшению жизни» (Рахмонов, 2010). Политические элиты Таджикистана имели ряд причин использовать арийские идеи. Во-первых, активизация арийского мифа стала одним из инструментов процесса десоветизации и поиска новых идеологических основ таджикского общества и государственного национального проекта (Якубов, 2016; Мирбабаев, Рашимов, 2016; Раджадов, 2013; Султон, 2016; Турсон, 2016; Негматов, 2016а; Негматов, 2016b). Во-вторых, элиты стремились использовать арийский миф в качестве альтернативы политическому исламу, так как они помнили религиозный гражданский конфликт 1990-х годов и знали о последствиях исламизации по опыту соседнего этнически родственного Ирана. В-третьих, арийский проект стал частью противостояния с соседними тюркскими государствами, которые позиционировались в качестве вечных историческими соперников арийских таджиков, претендующих на свои

исконные арийские земли, которые к концу 20 века оказались в составе тюркских государств.

Популяризируя арийский миф, политические элиты Таджикистана отвергают обвинения своих противников-исламистов в том, что они пытаются заменить мусульманские ценности арийскими идеями. Эмомали Рахмон, комментируя эти страхи, заявляет, что «мы воспринимаем арийскую цивилизацию как чисто культурный феномен, и призываем нынешнее и будущие поколения изучать ее, чтобы лучше узнать исторические истоки нашей нации. Она не подрывает основы религии ислама... Ислам стал основой и неотъемлемой частью нашей нации» (Рахмонов, 2006). С 2000-х годов политические элиты страны активизировали свои попытки взять под контроль арийскую идею, применяя меры, направленные на актуализацию арийских элементов таджикской идентичности. Инструментализация арийской идеи стала частью коллективного желания политических элит консолидировать нацию после гражданской войны.

С этой целью Таджикистан был провозглашен наследником государства Саманидов, а таджики в историческом воображении превратились в потомков ариев. Например, 30 октября 2000 года рубль, таджикская валюта, был заменен на сомони, ставший новой национальной валютой Таджикистана (Бологов, 2014). В 2007 году начался отказ от русифицированных таджикских фамилий, и местные чиновники начали удалять буквы «ов» и «ев» из окончаний фамилий, которые заменялись иранскими флексиями. Так Эмомали Рахмонов стал Эмомали Рахмон. Вслед за ним чиновники и интеллектуалы предпочли сделать то же самое с их собственными фамилиями. Власти предложили отказаться от русских окончаний в фамилиях, заменив их таджикскими: «зод», «зода», «й», «пур»... Джалолиддин Рахимов, заместитель руководителя департамента регистрации актов гражданского состояния Министерства юстиции Таджикистана, комментируя отказ от русифицированных фамилий, подчеркивал, что «мы объясняем, что целью является таджикизация фамилий. Люди понимают, что если ситуация не изменится, то через 10 лет наши дети будут разделены на две группы, одна будет гордиться своими таджикскими именами, другая будет иметь иностранные фамилии. Мы должны гордиться своими национальными и патриотическими чувствами» (Бологов, 2014). В Интернете начал функционировать специализированный таджикизатор фамилий.

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон также заявил, что «необходимо вернуться к нашим культурным корням и использовать национальную топонимику» (Бологов, 2014; Тищенко, 2016). Инстру-

ментализация арийства и политически мотивированное использование арийской идеи были бы невозможны без академического обоснования. Поэтому историки и лингвисты в независимом Таджикистане стали вынужденными или добровольными пропагандистами арийского мифа, анализируя и актуализируя место «арийских предков» таджиков и таджикского языка среди других ирано-арийских наций и языков, продвигая и популяризируя идею уникальности арийской таджикско-иранской цивилизации. Эти попытки спровоцировали откровенно маргинальные неакадемические теории, основанные на восприятии арийцев как биологической расы, и подтолкнули некоторых интеллектуалов к утверждениям, что этногенез таджиков начался в эпоху палеолита (Негматов, 2016с; Негматов, 2016d).

Нуман Негматов (Негматов, 2005) является одним из самых фанатичных пропагандистов и популяризаторов арийской идеи в историографии независимого Таджикистана, постепенно переходя от академической истории к псевдоакадемическим концепциям в стиле фольк-истории. Актуализация арийской идеи в Таджикистане совпала с попытками начать реформирование таджикского языка: «пришло время, когда мы, как и другие развитые и цивилизованные страны, должны позаботиться о чистоте нашего государственного языка, упорядочить включение любых новых элементов в язык, базирующийся на литературных нормах и положить конец всяким искажениям речи и орфографии» (Тищенко, 2016).

В связи с этим в 2009 году таджикский язык был объявлен единственным государственным языком. Парламент Таджикистана с 2010 году решил продолжить опубликование законов только на таджикском языке, что фактически исключало русский язык из государственного управления (Тищенко, 2016). Власти также инициировали переименование городов и регионов, стремясь актуализировать арийское происхождение нации – поэтому Ура-Тюбе стал Истаравшаном, Чкаловск был переименован в Бустон, Ленинабадская область сменила название на Вилюяти-Сугд, Гармский район – Нохияй Рашт. Политические элиты Таджикистана в своем коллективном стремлении узаконить эти изменения в 2012 году поддержали публикацию Энциклопедии памятников арийской культуры «Центральная Азия: Таджикистан» (Энциклопедия..., 2012), в которой территория Таджикистана была обозначена на карте как арийское государство, а сама страна и ее жители были представлены как неотъемлемый элемент арийской цивилизации.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Подводя итоги статьи, автор полагает, что при анализе арийского мифа в изучаемых национализмах необходимо учитывать несколько факторов. Арийская идея, как и производная от нее арийская мифология возникли в иранском, индийском и таджикском национализме под влиянием европейских культур. Английские колонизаторы вдохновили индийских националистов использовать мобилизационный потенциал арийской идеи. Факторы, которые заставили иранских и таджикских националистов использовать арийский миф, были неоднородными и разнообразными. С одной стороны, историческое происхождение, продолжительное западное, арабское и тюркское господство в культуре и языке подтолкнуло иранскую интеллигенцию к возрождению и использованию потенциала этнической принадлежности в своих арийских версиях.

Внешние факторы, стимулировавшие таджикских националистов использовать потенциал арийского мифа включают советизацию и насильственную модернизацию, радикально изменивших культурный и социальный образ таджиков как сообщества и превративших их из традиционной архаичной группы в современную нацию. Если английские интеллектуалы, которые начали изучать археологию и языки Индии, обнаруживая ее арийские корни и происхождение, стимулировали индийских националистов использовать арийский миф, русские и советские интеллектуалы в тех же обстоятельствах конструировали историю Таджикистана как национальную, вынуждая своих таджикских последователей писать ее в арийской системе координат. Несмотря на мобилизационный потенциал этнического национализма, арийский миф в Иране, Таджикистане и Индии столкнулся с серьезной конкуренцией, которая подорвала влияние и значительно ослабила позицию арийского компонента в националистической идеологии. Советизация и модернизация в Таджикистане, формирование современной таджикской нации, формальное доминирование коммунистической доктрины в советский период значительно ослабили роль арийской идеи. В тоже время распад СССР стимулировал рост национализма и способствовал возрождению арийской идеи в этой стране.

Индийский национализм некоторых интеллектуалов существенно ослабил роль арийской идеи, которая в 20 веке начала конкурировать с другими идеологическими течениями, такими как коммунизм и либерализм, которые вместе с национализмом, были заимствованы у Запада как политические идеологии. Если арийский миф в Таджикистане и Индии конкурировал со светскими политическими идеями национализма и коммунизма, исламизм стал главным противником

арийской идеи в Иране, где исламская революция значительно ослабила арийские позиции в академической историографии, превратив ее в менее светскую в сравнении с историческими исследованиями.

Тактики и стратегии, используемые политическими элитами этих государств, исторически схожи и близки. Несмотря на существенные особенности политической ситуации, национальные элиты Ирана, Таджикистана и Индии активно использовали арийский миф как политический институт, способствуя его инструментализации. Парады военной истории и попытки воплотить в жизнь идеи преемственности исторического процесса в Иране, организация Года арийской цивилизации и культуры в Таджикистане, желание использовать арийский миф для решения политических проблем в Индии – лишь некоторые из примеров политической инструментализации арийской идеи. Перспективы развития арийской составляющей в идеологии иранского, таджикского и индийского национализма неясны, но нельзя исключать возможность радикализации националистических идеологий, которые впоследствии начнут активное использование принципов и ценностей этнической принадлежности, основанной в том числе и на арийском мифе, который успел стать важной и значимой изобретенной традицией.

Список литературы

- Abdi, K. (2001). Nationalism, Politics, and the Development of Archaeology in Iran. *American Journal of Archaeology*, 105(1), 51-76.
- Amanat, A. (1989). The study of history in post-revolutionary Iran: Nostalgia, Illusion, or Historical Awareness?. *Iranian Studies*, 23(1), 3-18.
- Anquetil-Duperron, M. (1997). *Voyage en Inde, 1754-1762: relation de voyage en préliminaire à la traduction du Zend-Avesta*. Paris: Ecole française d'Extrême-Orient
- Arbuthnot, F. (1881). *Early ideas. A group of Hindoo stories*. L.: Allen and Co.
- Arbuthnot, F. (1887). *Persian portraits. A sketch of Persian history, literature and politics*. L.: Bernard Quaritch.
- Ashraf, A. (1993). The Crisis of National and Ethnic Identities in Contemporary Iran. *Iranian Studies*, 26(1-2), 159-164.
- Ashraf, A. (1998). Iranian identity. Perspectives on Iranian identity. In *Encyclopædia Iranica. Vol. XIII*. (pp. 501-504). NY.: Columbia University, Encyclopædia Iranica Foundation.
- Atkin, M. (1993). Tajik National Identity. *Iranian Studies*, 26(1-2), 151-158.

- Ballantyne, T. (2002). The Emergence of Aryanism: Company Orientalism, Colonial Governance and Imperial Ethnology. In T. Ballantyne (ed.) *Orientalism and Race. Aryanism in the British Empire* (pp. 18-55). L.: Palgrave Macmillan.
- Banani, A. (1961). *The Modernization of Iran, 1921 – 1941*. Stanford: Stanford University Press.
- Battis, M. (2015). Soviet Orientalism and Nationalism in Central Asia: Aleksandr Semenov's Vision of Tajik National Identity. *Iranian Studies*, 48(5), 729-745.
- Battis, M. (2016). The Aryan Myth and Tajikistan: From a Myth of Empire to One National Identity. *Ab Imperio*, (4), 155–183.
- Bausani, A. (1975). Muhammad or Darius? The elements and basis of Iranian culture. In S. Jr. Vryonis (ed.) *Islam and Cultural Changes in the Middle Ages* (43-57). Harrassowitz.
- Behnam, J. (1998). Irānšahr, Ḥosayn Kāzemzāda. In *Encyclopædia Iranica. Vol. XIII*. (pp. 537-539). NY.: Columbia University, Encyclopædia Iranica Foundation.
- Bergne, P. (2007). *The Birth of Tajikistan: National Identity and the Origins of the Republic*. L. – NY: I. B. Tauris.
- Bopp, Fr. (1885). *A comparative grammar of the Sanskrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Slavonic languages*. L.: Williams and Norgate.
- Cronin, S. (2015). Edward Said, Russian Orientalism and Soviet Iranology. *Iranian Studies*, 48(5), 647-662.
- Engheta, N. (2002). *50 years history with the Pan-Iranists*. Los Angeles, CA: Ketab Corp.
- Fosse, L.M. (2005). Aryan past and post-colonial present: the polemics and politics of indigenous Aryanism. In E. F. Bryant, L. L. Patton (Eds.) *The Indo-Aryan Controversy. Evidence and inference in Indian history* (pp. 434-467). L. – NY: Routledge.
- Goethe, J.W. (1819). *West-Östlicher Divan*. Stuttgart: Cottaischen Buchhandlung.
- Goodrick-Clarke, N. (1998). *Hitler's Priestess. Savitri Devi, the Hindu-Aryan Myth, and Neo-Nazism*. NY: New York University Press.
- Hammer-Purgstall, J., Bodenstedt, F.M. von, (1860). *Duftkörner aus persischen Dichtern gesammelt*. Stuttgart: Adolf Benedict.
- Herzfeld, E. (1908). Pasargadae. Untersuchungen zur persischen Archäologie. *Klio*, (VIII), 1-68.
- Herzfeld, E. (1929). Bericht über die Ausgrabungen von Pasargadae 1928. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, (1). 4-16.

- Herzfeld, E. (1947). *Zoroaster And His World*. Princeton: Princeton University Press.
- Herzfeld, E. (1968). *The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East*. Wiesbaden: Steiner.
- Hope Risley, H. (2015). *The People of India*. L.: Andesite Press.
- Hughes, K. (2017). From the Achaemenids to Somoni: national identity and iconicity in the landscape of Dushanbe's capitol complex. *Central Asian Survey*, 36(4), 511-533.
- Inden, R. (2001). *Imagining India*. Bloomington: Indiana University Press.
- Jenkins, J. (2012). Excavating Zarathustra: Ernst Herzfeld's Archaeological History of Iran. *Iranian Studies*, 45(1), 1-27.
- Karimi-Ḥakkāk, A. (1993). Nežād, maḏhab, zabān: Ta'ammoli dar se engāra-ye qawmiyat dar Irān. *Iran Nameh*, 11(4), 599-620.
- Kashani-Sabet, F. (2002). Cultures of Iranian-ness: the evolving polemic of Iranian nationalism. In N. Keddie, R. Matthee (Eds.) *Iran and the Surrounding World 1501–2001: Interactions in Culture and Cultural Politics* (pp. 162-181). Seattle.
- Keppens, M. & De Roover, J. (2014). Orientalism and the Puzzle of the Aryan Invasion Theory. *Pragmata: Journal of Human Sciences*, 2(2), 51-76.
- Kia, M. (1998). Persian nationalism and the campaign for language purification. *Middle Eastern Studies*, 34(1), 9-36.
- Krefter, Fr. (1971). *Persepolis-Rekonstruktionen: der Wiederaufbau des Frauenpalastes; Rekonstruktionen der Paläste; Modell von Persepolis*. Berlin: Gebr. Mann.
- Krefter, Fr. (1977). Mit Ernst Herzfeld in Pasargadae und Persepolis 1928 und 1931 – 1932. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, (XII), 13–25.
- Laruelle, M. (2008). Alternative identity, alternative religion? Neopaganism and the Aryan myth in contemporary Russia. *Nations and Nationalism*, 14(2). 283-301.
- MacKenzie, D.N. (1998). Ērān, Ērānšahr. In *Encyclopædia Iranica. Vol. VIII*. (pp. 534). NY.: Columbia University, Encyclopædia Iranica Foundation.
- Mahurkar, U. (2017). *Marching with a Billion: Analysing Narendra Modi's Government at Midterm*. L.; Penguin books.
- Marashi, A. (2008). *Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870 – 1940*. Washington.
- Marino, A. (2014). *Narendra Modi: A Political Biography*. Delhi Harper Collins Publishers India.

- Motadel, D. (2014). Iran and the Aryan myth. In A. Ansari *Perceptions of Iran: history, myths and nationalism from medieval Persia to the Islamic Republic* (pp. 119-145). L.: I.B.Tauris.
- Mukharji, P. (2017). The Bengali Pharaoh: Upper-Caste Aryanism, Pan-Egyptianism, and the Contested History of Biometric Nationalism in Twentieth-Century Bengal. *Comparative Studies in Society and History*, 59(2), 446-476.
- Müller, Fr. (1844). *Hitopadesa: eine alte indische Fabelsammlung*. Berlin: Brockhaus.
- Müller, Fr. (1859). *A History of Ancient Sanskrit Literature So Far as it Illustrates the Primitive Religion of the Brahmans*. L.: Williams and Norgate.
- Müller, Fr. (1883). *India: what Can it Teach Us? A Course of Lectures Delivered Before the University of Cambridge*. L.: Longmans and Green.
- Nietzsche, Fr. (1888). *Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen*. Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeitsner.
- Nourzhanov, K., Bleuer, Ch. (2013). *Tajikistan: A Political and Social History*. Sidney: ANU.
- Raheja, G. (1996). Caste, Colonialism, and the Speech of the Colonized: Entextualization and Disciplinary Control in India. *American Ethnologist*, 23(3), 494–513.
- Rajaram, N.S. (1996). *The Politics of History: Aryan Invasion Theory and the Subversion of Scholarship*. L.: South Asia Books.
- Schmidt, E. (1939). *The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmidt, E. (1953). *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmidt, E. (1957). *Persepolis II: Contents of the Treasury and Other Discoveries*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmidt, E. (1970). *Persepolis III: The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago: University of Chicago Press.
- Shams, A. (May 182012). A “Persian” Iran?: Challenging the Aryan Myth and Persian Ethnocentrism. *Ajam*.
- Shnirelman, V. (2001). *The Value of the Past. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Shnirelman, V. (2009). Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia. *Nationalities Papers*, 37(5), 557-587.

- Stronach, D. (2005). Ernst Herzfeld and Pasargadae In A.C. Gunter, St. R. Hauser *Ernst Herzfeld and the development of Near Eastern Studies, 1900 – 1950* (pp. 103-136). Leiden: Brill,.
- Tavakoli-Targhi, M. (2001). *Refashioning Iran: Orientalism, Occidentalism and Historiography*. NY: Palgrave Macmillan.
- Tilak, B.G. (1903). *The Arctic Home in the Vedas*. Pune: Gaikwar Wada.
- Trautmann, Th. (1997). *Aryans and British India*. McBride, BC: Vistaa.
- Vaziri, M. (1993). *Iran as Imagined Nation, The Construction of National Identity*. NY: Gorgias Pr Llc..
- Wilber, D. (1989). *Persepolis: The Archaeology of Parsa, Seat of the Persian Kings*. Darwin Press.
- Witzel, M. (2000). The Home of the Aryans. In A. Hinze, E. Tichy (Eds.), *Anusantatyī: Festschrift fuer Johanna Narten zum 70. Geburtstag* (pp. 283-338). Dettelbach: J. H. Roell.
- Zia-Ebrahimi, R. (2011). Self-Orientalization and Dislocation: The Uses and Abuses of the “Aryan” Discourse in Iran. *Iranian Studies*, 44(4), 445-472.
- Zia-Ebrahimi, R. (August 6 2010). Iranian Identity, the ‘Aryan Race’, and Jake Gyllenhaal. *Frontline*.
- Андреев, М.С. (1945). О таджикском языке настоящего времени. В *Материалы по истории таджиков и Таджикистана* (стр. 56–70). Сталинабад,.
- Аслонова, Н. (2010). *Садриддин Айнӣ бузурге аз дунёи форсизабон*. Душанбе: Шучоиён.
- Бологов, П. (2014). Истинные арийцы. *Strana.Lenta.ru*. 20 января
- Гафуров, Б.Г. (1972). *Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история*. Москва: Наука.
- Джалилов, А. (1961). *Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в.* Сталинабад.
- Мирбабаев, А. & Рахимов, Н. (2016). Сакское наследие архаического (к этнической истории таджиков). В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 121-130). Душанбе: Дониш.
- Мурудов, О. (1979). *Древние области мифологии у таджиков долины Зеравшана (этнографические исследования к истории религии и атеизма)*. Душанбе: Дониш.
- Мухидинов, И. (1989). *Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX века)*. Душанбе: Дониш.

- Негмати, А. (1989). *Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков*. Душанбе: Дониш.
- Негматов, Н. (1999). *Таджикский феномен: теория и история*. Душанбе: “Оли Сомон”.
- Негматов, Н. (2005). *Прародина ариев*. Душанбе: Ма.
- Негматов, Н. (2016a). Истоки этногенеза и культурогенеза ариев Арианы. В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 115-120). Душанбе: Дониш.
- Негматов, Н. (2016b). Прародина ариев. В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 79-114). Душанбе: Дониш.
- Негматов, Н. (2016c). Шесть веков таджикского исторического феномена (X – XV вв.). В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 502-544). Душанбе: Дониш.
- Негматов, Н. (2016d). Этногенез таджикского народа. В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 337-428). Душанбе: Дониш.
- Раджадов, А. (2013). *Борбад и Рудаки: преемственность и общность традиций*. Душанбе: Дониш.
- Рахмонов, Э. (2012). *Таджики в зеркале истории: от арийцев до Саманидов*. Душанбе.
- Рахмонов, Э. (28 августа 2006). Арийские ценности в мировой цивилизации (размышления на пороге чествования Арийской цивилизации). *Азия плюс*.
- Рахмонов, Э. (6 июня 2010). Арии и познание арийской цивилизации (размышления накануне празднования Года арийской цивилизации), *Славянская культура*.
- Рахмонов, Э. (1999). *Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён. Китоби якум*. London: Flint river editions Great Britain.
- Симашко, М.Д. (1979). *Маздак. Повести красных и черных песков*. Москва: Известия.
- Струве, В.В. (1945). Родина зороастризма. В *Материалы по истории таджиков и Таджикистана* (3-55). Сталинабад.
- Султон, М. (2016). Язык как фактор формирования и консолидации нации. В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 475-487). Душанбе: Дониш.
- Таджикистан отказывается имен на “русский манер» (29 апреля 2016). *Настоящее Время*.
- Тищенко, М. (4 мая 2016). Повелитель арийцев. Чем обернулся культ личности в Таджикистане. *Republic*.

- Турсон, А. (2016). Таджикигония: к эволюции и инволюции культурогенеза. В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 31-78). Душанбе: Дониш.
- Шнирельман, В. (2015). *Арийский миф в современном мире*. М.: Новое литературное обозрение.
- Шукуров, М.Ф. (2003). Таджикистан: муки воспоминания. В К. Аймермахер, Г. Бордюгов (ред.) *Национальные истории в советском и постсоветском пространстве*. М.: Фонд Фридриха Наумана – АИРО-XX, 228–254.
- Энциклопедия памятников арийской культуры Центральной Азии. Таджикистан* (2012). Душанбе: Контраст.
- Якубов, Л. (2016). Из истории происхождения этнонима «таджик» (история, теория и миф). В А. Раджабов (ред.) *Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа* (стр. 151-219). Душанбе: Дониш.
- Ян, В. (1989а). Голубая сойка Заратустры. В В. Ян *Собрание сочинений. Т.1. Финикийский корабль. Огни на курганах. Спартак. Рассказы* (стр. 481-488). Москва: Издательство “Правда”.
- Ян, В. (1989б). *На крыльях мужества: повести, рассказы*. Челябинск: Южно-Уральское издательство.
- Ян, В. (1989с). Огни на курганах. В В. Ян *Собрание сочинений. Т.1. Финикийский корабль. Огни на курганах. Спартак. Рассказы* (стр. 151-420). Москва: Издательство “Правда”.
- Ян, В. (1989д). Письмо из скифского стана. В В. Ян *Собрание сочинений. Т.1. Финикийский корабль. Огни на курганах. Спартак. Рассказы* (стр. 489-502). Москва: Издательство “Правда”.

References

- Abdi, K. (2001). Nationalism, Politics, and the Development of Archaeology in Iran. *American Journal of Archaeology*, 105(1), 51-76.
- Amanat, A. (1989). The study of history in post-revolutionary Iran: Nostalgia, Illusion, or Historical Awareness?. *Iranian Studies*, 23(1), 3-18.
- Andreev, M.S. (1945). About the Tajik language of the present. In *Materials on the history of Tajiks and Tajikistan* (pp. 56–70). Stalinabad. (in Russian)
- Anquetil-Duperron, M. (1997). *Voyage en Inde, 1754-1762: relation de voyage en préliminaire à la traduction du Zend-Avesta*. Paris: Ecole française d'Extrême-Orient
- Arbuthnot, F. (1881). *Early ideas. A group of Hindoo stories*. L.: Allen and Co.

- Arbuthnot, F. (1887). *Persian portraits. A sketch of Persian history, literature and politics*. L.: Bernard Quaritch.
- Ashraf, A. (1993). The Crisis of National and Ethnic Identities in Contemporary Iran. *Iranian Studies*, 26(1-2), 159-164.
- Ashraf, A. (1998). Iranian identity. Perspectives on Iranian identity. In *Encyclopædia Iranica. Vol. XIII*. (pp. 501-504). NY.: Columbia University, Encyclopædia Iranica Foundation.
- Aslonova, N. (2010). *Sadriddin Ayni is great from the Persian world*. Dushanbe: Brave. (in Tajik)
- Atkin, M. (1993). Tajik National Identity. *Iranian Studies*, 26(1-2), 151-158.
- Ballantyne, T. (2002). The Emergence of Aryanism: Company Orientalism, Colonial Governance and Imperial Ethnology. In T. Ballantyne (ed.) *Orientalism and Race. Aryanism in the British Empire* (pp. 18-55). L.: Palgrave Macmillan.
- Banani, A. (1961). *The Modernization of Iran, 1921 – 1941*. Stanford: Stanford University Press.
- Battis, M. (2015). Soviet Orientalism and Nationalism in Central Asia: Aleksandr Semenov's Vision of Tajik National Identity. *Iranian Studies*, 48(5), 729-745.
- Battis, M. (2016). The Aryan Myth and Tajikistan: From a Myth of Empire to One National Identity. *Ab Imperio*, (4), 155–183.
- Bausani, A. (1975). Muhammad or Darius? The elements and basis of Iranian culture. In S. Jr. Vryonis (ed.) *Islam and Cultural Changes in the Middle Ages* (43-57). Harrassowitz.
- Behnam, J. (1998). Irānšahr, Ḥosayn Kāzemzāda. In *Encyclopædia Iranica. Vol. XIII*. (pp. 537-539). NY.: Columbia University, Encyclopædia Iranica Foundation.
- Bergne, P. (2007). *The Birth of Tajikistan: National Identity and the Origins of the Republic*. L. – NY: I. B. Tauris.
- Bologov, P. (2014). True Aryans. *Strana.Lenta.ru*. (in Russian)
- Bopp, Fr. (1885). *A comparative grammar of the Sanskrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Slavonic languages*. L.: Williams and Norgate.
- Cronin, S. (2015). Edward Said, Russian Orientalism and Soviet Iranology. *Iranian Studies*, 48(5), 647-662.
- Encyclopedia of monuments of Aryan culture of Central Asia. Tajikistan* (2012). Dushanbe: Contrast. (in Russian)
- Engheta, N. (2002). *50 years history with the Pan-Iranists*. Los Angeles, CA: Ketab Corp.

- Fosse, L.M. (2005). Aryan past and post-colonial present: the polemics and politics of indigenous Aryanism. In E. F. Bryant, L. L. Patton (Eds.) *The Indo-Aryan Controversy. Evidence and inference in Indian history* (pp. 434-467). L. – NY: Routledge.
- Gafurov, B.G. (1972). *Tajiks: ancient, ancient and medieval history*. Moscow: Science. (in Russian)
- Goethe, J.W. (1819). *West-Östlicher Divan*. Stuttgart: Cottaischen Buchhandlung.
- Goodrick-Clarke, N. (1998). *Hitler's Priestess. Savitri Devi, the Hindu-Aryan Myth, and Neo-Nazism*. NY: New York University Press.
- Hammer-Purgstall, J., Bodenstedt, F.M. von, (1860). *Duftkörner aus persischen Dichtern gesammelt*. Stuttgart: Adolf Benedict.
- Herzfeld, E. (1908). Pasargadae. Untersuchungen zur persischen Archäologie. *Klio*, (VIII), 1-68.
- Herzfeld, E. (1929). Bericht über die Ausgrabungen von Pasargadae 1928. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, (1). 4-16.
- Herzfeld, E. (1947). *Zoroaster And His World*. Princeton: Princeton University Press.
- Herzfeld, E. (1968). *The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East*. Wiesbaden: Steiner.
- Hope Risley, H. (2015). *The People of India*. L.: Andesite Press.
- Hughes, K. (2017). From the Achaemenids to Somoni: national identity and iconicity in the landscape of Dushanbe's capitol complex. *Central Asian Survey*, 36(4), 511-533.
- Inden, R. (2001). *Imagining India*. Bloomington: Indiana University Press.
- Jalilov, A. (1961). *Sogd on the eve of the Arab invasion and the struggle of the Sogdians against the Arab invaders in the first half of the 8th century*. Stalinabad. (in Russian)
- Jan, W. (1989a). Blue Jay of Zarathustra. In V. Jan *Collected Works. V.1. Phoenician ship. Lights on the barrows. Spartacus. Stories* (pp. 481-488). Moscow: Pravda Publishing House. (in Russian)
- Jan, W. (1989b). *On the wings of courage: novels, stories*. Chelyabinsk: South Ural Publishing House. (in Russian)
- Jan, W. (1989c). Lights on the barrows. In V. Jan *Collected Works. T.1. Phoenician ship. Lights on the barrows. Spartacus. Stories* (p. 151-420). Moscow: Pravda Publishing House. (in Russian)
- Jan, W. (1989d). A letter from the Scythian camp. In V. Jan *Collected Works. T.1. Phoenician ship. Lights on the barrows. Spartacus. Stories* (pp. 489-502). Moscow: Pravda Publishing House. (in Russian)
- Jenkins, J. (2012). Excavating Zarathustra: Ernst Herzfeld's Archaeological History of Iran. *Iranian Studies*, 45(1), 1-27.

- Karimi-Hakkāk, A. (1993). Nežād, maḏhab, zabān: Ta'ammoli dar se engāra-ye qawmiyat dar Irān. *Iran Nameh*, 11(4), 599-620.
- Kashani-Sabet, F. (2002). Cultures of Iranianness: the evolving polemic of Iranian nationalism. In N. Keddie, R. Mathee (Eds.) *Iran and the Surrounding World 1501–2001: Interactions in Culture and Cultural Politics* (pp. 162-181). Seattle.
- Keppens, M. & De Roover, J. (2014). Orientalism and the Puzzle of the Aryan Invasion Theory. *Pragmata: Journal of Human Sciences*, 2(2), 51-76.
- Kia, M. (1998). Persian nationalism and the campaign for language purification. *Middle Eastern Studies*, 34(1), 9-36.
- Krefter, Fr. (1971). *Persepolis-Rekonstruktionen: der Wiederaufbau des Frauenpalastes; Rekonstruktionen der Paläste; Modell von Persepolis*. Berlin: Gebr. Mann.
- Krefter, Fr. (1977). Mit Ernst Herzfeld in Pasargadae und Persepolis 1928 und 1931 – 1932. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, (XII), 13–25.
- Laruelle, M. (2008). Alternative identity, alternative religion? Neopaganism and the Aryan myth in contemporary Russia. *Nations and Nationalism*, 14(2). 283-301.
- MacKenzie, D.N. (1998). Ērān, Ērānšahr. In *Encyclopædia Iranica. Vol. VIII*. (pp. 534). NY.: Columbia University, Encyclopædia Iranica Foundation.
- Mahurkar, U. (2017). *Marching with a Billion: Analysing Narendra Modi's Government at Midterm*. L.; Penguin books.
- Marashi, A. (2008). *Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870 – 1940*. Washington.
- Marino, A. (2014). *Narendra Modi: A Political Biography*. Delhi Harper Collins Publishers India.
- Mirbabaev, A. & Rakhimov, N. (2016). Saki heritage of the archaic (to the ethnic history of Tajiks). In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (p. 121-130). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Motadel, D. (2014). Iran and the Aryan myth. In A. Ansari *Perceptions of Iran: history, myths and nationalism from medieval Persia to the Islamic Republic* (pp. 119-145). L.: I.B.Tauris.
- Mukharji, P. (2017). The Bengali Pharaoh: Upper-Caste Aryanism, Pan-Egyptianism, and the Contested History of Biometric Nationalism in Twentieth-Century Bengal. *Comparative Studies in Society and History*, 59(2), 446-476.

- Mukhidinov, I. (1989). *Relics of pre-Islamic customs and rites among farmers in the Western Pamirs (XIX - early XX centuries)*. Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Müller, Fr. (1844). *Hitopadesa: eine alte indische Fabelsammlung*. Berlin: Brockhaus.
- Müller, Fr. (1859). *A History of Ancient Sanskrit Literature So Far as it Illustrates the Primitive Religion of the Brahmans*. L.: Williams and Norgate.
- Müller, Fr. (1883). *India: what Can it Teach Us? A Course of Lectures Delivered Before the University of Cambridge*. L.: Longmans and Green.
- Murudov, O. (1979). *Ancient areas of mythology among Tajiks of the Zeravshan valley (ethnographic studies on the history of religion and atheism)*. Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Negmati, A. (1989). *Agricultural calendar holidays of ancient Tajiks and their ancestors*. Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Negmatov, N. (1999). *Tajik phenomenon: theory and history*. Dushanbe: "Oli Somon." (in Russian)
- Negmatov, N. (2005). *The ancestral home of the Aryans*. Dushanbe: Ma. (in Russian)
- Negmatov, N. (2016a). The origins of ethnogenesis and cultural genesis of the Arians of the Arians. In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (p. 115-120). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Negmatov, N. (2016b). The ancestral home of the Aryans. In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (pp. 79-114). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Negmatov, N. (2016c). Six centuries of Tajik historical phenomenon (X - XV centuries). In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (p. 502-544). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Negmatov, N. (2016d). Ethnogenesis of the Tajik people. In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (p. 337-428). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Nietzsche, Fr. (1888). *Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen*. Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeitsner.
- Nourzhanov, K., Bleuer, Ch. (2013). *Tajikistan: A Political and Social History*. Sidney: ANU.
- Raheja, G. (1996). Caste, Colonialism, and the Speech of the Colonized: Entextualization and Disciplinary Control in India. *American Ethnologist*, 23(3), 494–513.

- Rahmonov, E. (1999). *Tajiks in the mirror of history. From the Aryans to the Samanids. The first book*. London: Flint river editions Great Britian. (in Tajik)
- Rajadov, A. (2013). *Borbad and Rudaki: continuity and commonality of traditions*. Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Rajaram, N.S. (1996). *The Politics of History: Aryan Invasion Theory and the Subversion of Scholarship*. L.: South Asia Books.
- Rakhmonov, E. (2012). *Tajiks in the mirror of history: from the Aryans to the Samanids*. Dushanbe. (in Russian)
- Rakhmonov, E. (August 28, 2006). Aryan values in world civilization (reflections on the threshold of honoring Aryan civilization). *Asia plus*. (in Russian)
- Rakhmonov, E. (June 6, 2010). Arias and knowledge of Aryan civilization (thoughts on the eve of the celebration of the Year of Aryan civilization). *Slavic culture*. (in Russian)
- Schmidt, E. (1939). *The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmidt, E. (1953). *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmidt, E. (1957). *Persepolis II: Contents of the Treasury and Other Discoveries*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmidt, E. (1970). *Persepolis III: The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schnirelman, V. (2015). *Aryan myth in the modern world*. M.: New literary review. (in Russian)
- Shams, A. (May 18, 2012). A “Persian” Iran?: Challenging the Aryan Myth and Persian Ethnocentrism. *Ajam*.
- Shnirelman, V. (2001). *The Value of the Past. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Shnirelman, V. (2009). Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia. *Nationalities Papers*, 37(5), 557-587.
- Shukurov, M.F. (2003). Tajikistan: agony of remembrance. In K. Aimemacher, G. Bordyugov (Eds.) *National stories in the Soviet and post-Soviet space*. M.: Friedrich Naumann Foundation - AIRO-XX, 228–254. (in Russian)
- Simashko, M.D. (1979). *Mazdak. Tales of red and black sands*. Moscow: Izvestia. (in Russian)
- Stronach, D. (2005). Ernst Herzfeld and Pasargadae In A.C. Gunter, St. R. Hauser *Ernst Herzfeld and the development of Near Eastern Studies, 1900 – 1950* (pp. 103-136). Leiden: Brill,.

- Struve, V.V. (1945). Homeland of Zoroastrianism. In *Materials on the history of Tajiks and Tajikistan* (3-55). Stalinabad. (in Russian)
- Sulton, M. (2016). Language as a factor in the formation and consolidation of a nation. In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (pp. 475-487). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Tajikistan refuses names in the “Russian manner” (April 29, 2016). *Present tense*. (in Russian)
- Tavakoli-Targhi, M. (2001). *Refashioning Iran: Orientalism, Occidentalism and Historiography*. NY: Palgrave Macmillan.
- Tilak, B.G. (1903). *The Arctic Home in the Vedas*. Pune: Gaikwar Wada.
- Tishchenko, M. (May 4, 2016). Lord of the Aryans. What turned the personality cult in Tajikistan. *Republic*. (in Russian)
- Trautmann, Th. (1997). *Aryans and British India*. McBride, BC: Vistaa.
- Turson, A. (2016). Tajikogony: to the evolution and involution of cultural genesis. In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (p. 31-78). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Vaziri, M. (1993). *Iran as Imagined Nation, The Construction of National Identity*. NY: Gorgias Pr Llc..
- Wilber, D. (1989). *Persepolis: The Archaeology of Parsa, Seat of the Persian Kings*. Darwin Press.
- Witzel, M. (2000). The Home of the Aryans. In A. Hinze, E. Tichy (Eds.), *Anusantaty: Festschrift fuer Johanna Narten zum 70. Geburtstag* (pp. 283-338). Dettelbach: J. H. Roell.
- Yakubov, L. (2016). From the history of the origin of the ethnonym "Tajik" (history, theory and myth). In A. Rajabov (Eds.) *Actual problems of the cultural genesis of the Tajik people* (p. 151-219). Dushanbe: Donish. (in Russian)
- Zia-Ebrahimi, R. (2011). Self-Orientalization and Dislocation: The Uses and Abuses of the “Aryan” Discourse in Iran. *Iranian Studies*, 44(4), 445-472.
- Zia-Ebrahimi, R. (August 6 2010). Iranian Identity, the ‘Aryan Race’, and Jake Gyllenhaal. *Frontline*.